

Саша Хеллмейстер

САКЕХУТА

18+

Александра Огневич

Сакехута

«Автор»

2026

Огневич А.

Сакехута / А. Огневич — «Автор», 2026

В городе Йони живет Сара Ленгли, а в резервации янктонаи по соседству — Ноэль Симеон. Ноэль не «тот самый индеец», какого вы можете представить себе, говоря об индейцах. Он не зоркий, не быстрый, не высокий и не божественно красивый. Он не говорит с ветром и даже не молится Великому Духу (ну разве что в особо тяжких случаях). Он работает на лесопилке и валит лес. Другие индейцы из резервации его за это ненавидят, потому что лес — священное место. Единственное, что свято для Ноэля — Сара, но она его совсем, кажется, не любит, потому что любить подлого, некрасивого и красного вдобавок — это уже чересчур...

© Огневич А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александра Огневич

Сакехута

Глава первая

На языке лакота есть много обозначений слова «медведь». Вы понятия не имеете, что одному только медведю посвящена в их словаре целая большая страница. Индейцы, как я узнала потом, вообще были большие мастера давать каждому предмету или явлению по несколько названий, которые запоминались с трудом.

Например, матхо — это такое общее название медведя, и это слово чаще бралось для имени. Был такой вот вождь когда-то: Матхо Вайухи, по-простому — Атакующий Медведь, а как он мне говорил, мой Ноэль: Медведь, Рассеивающий Врагов Своих. Так вот он переводил Матхо Вайухи, по-красивому. Он вообще всё красивое очень любил...

Для всего, что имеет отношение к медведям, есть свое слово.

Матхоха — это медвежья шкура.

Матхомна — от тебя несет как от медведя.

Матхосапа — это черный медведь, какие водятся в горах близ Блэк-Хиллс.

Матхохота, или сакеханска — это огромный и злой медведь-гризли. Ну а сакехута — это тоже медведь, правда, не такой величественный, как могучий матхо. Это, скорее, обычный медведь, не в плане духовности или чего-то такого. Зверь себе и зверь, и всё тут. Вот Сакехутой его и прозвали.

Толком неясно, отчего и почему, но имя ему очень подходило, не знаю, как они это поняли ещё во младенчестве — там-то Ноэль никакого сходства с медведем не имел вовсе. Вернее, как: все младенцы — те ещё медвежатаки, в своём роде. Сладкие, пахнут молоком, сопят, пофыркивают, ворчат, катаются с одного толстого бока на другой. Но с Ноэлем прямо подгадали, имя Сакехута очень ему подошло. Он ворчал, оно предопределило его судьбу. А бабушка его — добрая старуха, которую он ласково звал митхава нокома, потому что она из оджибве, а там всякая старуха нокома была — говорила: большой и грозный сакехута охраняет тебя, Ноэль Симеон, и ты тоже большой и сильный как сакехута, гордись этим.

Ну, не сказать что Ноэль этим гордился.

Вместе с медвежьей силой ему от сакехуты передалось много других, менее привлекательных черт.

Он был забавен как медведь. Большой сластёна. Рослый, но не как другие — есть и повыше. Кругленький задок, кругленькая спина, кругленький живот, кругленькая голова. Мягкий-мягкий, как пуховая подушка. Походка тяжеловата, как и весь он сам — как из стали вылитые мышцы заплыли жиром, мускулистая грудь лежит на животе (Сакехута любит поесть хорошо); волосы, гладко зачесанные назад, открывают круглое, как луна, полное лицо. Второй подбородок, разумеется, тут как тут. Никакого намека на привлекательность. Крадущимся его представить было бы смешно. Упаси Господи вообразить его на лошади, какого размера должна быть эта лошадь? Когда он был школьником и в классе зачитывали что-нибудь про индейцев, какие те ловкие охотники, даже свои из янктонаи прыскали со смеху, поглядывая на него. Он краснел и потел. С таким-то весом неудивительно, как это получалось. Сакехута — с узкими глазами непонятного цвета, не как из книжек, чтоб словно драгоценный камень или небо в безлунную ночь — смотрел на мир из-под нависших монгольских век. Брови — неожиданно дугами, довольно узкие для такого лица. Широкий нос. Небольшой рот. Черты, вырезанные неведомым мастером на века, прям как из скалы. Скрупулезно так. Раз, раз, раз: никакой красоты, никакого изящества. И уши как два пельмешка. Вот и он. Ну и жених.

Когда мне было семнадцать, в Йонке — это наш город, город в Южной Дакоте близ резервации Янктон, где жили все янктонаи — Сакехута стал появляться чаще прежнего. Все потому, что бабка нокома и строгая мать, которые воспитывали его с братьями и сестрами в одиночку, без мужчин, погнали Сакехуту в старшую школу. Мне было семнадцать, а ему девятнадцать, и вот тогда мы с ним познакомились. Я тогда еще не знала, как его зовут по-индейски, поллакотски, точнее, поэтому просто услышала однажды, что этот вот большой парень, который ненароком опрокинул чужой стол в столовой вместе с подносами и едой, просто пройдя мимо — Ноэль Симеон. Еще бы не услышать, его имя проорали так громко, что его узнали в первый же день все и сразу, хотели они того или нет. Он весь оторопел, остановился и вжал голову в плечи. Удивительно маленькую голову в удивительно крупные плечи. Надо сказать, тоже медвежья черта: аккуратная голова при массивном туловище, отчего то кажется еще больше. Тогда хихикали все, даже его братья Симеоны, которые как и он учились в старшей школе, и выпускница, Мадлен Симеон. Самое забавное, Ноэль сам над собой посмеивался исподтишка, потому что чувство юмора, слава Господу, у него водилось, и отменное. Он ухмылялся, когда над ним подтрунивали, и совсем не обижался — да чего обижаться-то, если он не поняв, как это сделал, опрокинул спортсменам целый стол, когда те полдничали?!

Потом было много чего еще смешного. Ноэль Симеон был самым здоровым парнем во всей старшей школе, по этой причине он таскал на себе стулья, скамейки, столы, парты, доски, все, короче говоря, что требовалось куда-нибудь отнести-принести. Он был рукастый, поэтому он все чинил, вешал, ставил, присверливал. От занятий его иногда освобождали, потому что — Симеон, помоги-ка миссис Флетчер тут! И он уходил с занятий английской литературой. Только он их посещать наоборот любил. Я уж потом смекнула: потому что мы там сидели рядом, в нашей маленькой школе, где слишком мало было классных комнат и некоторые элективы и классы объединяли. Забавно, конечно, что я столько лет посеяла, когда могла бы узнать Ноэля поближе. Я-то в Йонке живу с рождения, а он в Янктоне — считай, самые первые соседи друг с другом, и нет-нет, но я видела Сакехуту тут и там. Если задуматься, он был со мной целую жизнь... только я его не замечала.

Что в целом удивительно, поди такого не замети. При всей своей массе и росте, Сакехута, похожий скорее на пушечное ядро или гризли, чем на юношу, очень даже ловко умел растворяться и притворяться невидимкой, если то было нужно. На занятиях спортом он не блистал. Бегун из него был неважный. Прыжки... ну вы поняли. Американский футбол — тоже не для него. Он разок толкнул нашего нападающего Боунса и сразу его вынес с травмой колена, и тренер такой: Симеон! Я разве говорил калечить игроков нашей команды?! Симеон, наша команда — Белые Орлы, а ты мало того что ни разу не белый, так ещё и орел-то так себе! Ты где таких орлов видел, Симеон?! Такие птицы вообще не взлетают...

Короче, не задалось у него с футболом. Чтобы не сидел без дела, его попытались сделать талисманом команды, пока его братья, Келли и Бен, успешно вписались в игроки, но поди найди плюшевого орла таких размеров. Ноэль Симеон вежливо уступил костюм маскота художавому Натану Моргану, своему дружку, значит, лучшему, и Натан уж уговорил тренера, чтоб Ноэль на трибунах во время игры поддерживал порядок, ну как бы, вроде охраны был. Надо сказать, это оказалось блестящим решением. При Ноэле не забалуешь. Если слишком шумишь, буянишь, вопишь, дерешься, он просто берет тебя за шиворот, и можешь лупить его почем зря, кулаками махать... плевать ему, он вынесет тебя за пределы трибун, а потом просто вынесет, если ясно, о чем это я. Ноэля в старшей школе не любили, но относились нормально, все, кроме ребят из футбольной команды, потому что он их своей медлительностью, своим медвежьим спокойствием, своей наивностью подбешивал. Его называли дураком, тупоголовым, дуболомом, здоровяком, жирдяем и чем похуже. Он не особо их слушал, так мне казалось, или смотрел на них с беспокойством, как бы говоря — с вами все в порядке-то, точно связываться со мной хотите?

Ясное дело, порой случались стычки. Добавляло остроты, что Ноэль еще индеец; Келли и Бен тоже, но они как-то ловко вписались, быстро своими заделались. Неповоротливый и добродушный Ноэль шуток их не понимал, в одной компании не водился, зато после школы любил подождать меня у входа, неловко топчась на месте, впрямь большой мишка — и когда я выходила, робко говорил:

— А я вернуть книжку...

Он часто брал у меня книги, у меня дома — большая родительская библиотека, отец — профессор литературоведения. Любитель рассудить красиво.

— Ну, давай, — легко кивала я, и Ноэль отдавал мне одолженное, что обычно не успевал читать в классе: он был медлителен, я уже говорила.

— Спасибо, Сара, — говорил, значит, он и возвращал мне книгу, а потом я открывала ее дома и находила там штучки всякие.

Засушенные цветы, например, или листочки, на которых он что-нибудь этакое писал. Вроде как маленькое письмецо мне. Делился там, понимаешь, мыслями всякими, не сказать что особенно умными — но уж какие водились в его голове по мере прочтения. Особенно ему Лондон нравились, Чосер, Фолкнер, Остин. Либо про убийства, выживания, трудности, либо про любовь: это он втайне обожал, зачитывался прямо, я-то видела страницы, замятые его рукой, даже если он считал, что не замечаю ничего. Забавный он был, да.

Потом мне стукнуло восемнадцать, а Сакехуте двадцать лет, и он закончил школу. Я не думала прийти к нему на выпускной, ничего такого, и узнала, что он ни с кем туда не пошел, а просто отправился один и печальный простоял в темноте у стеночки. Костюма на него, огромного такого, было не пошить, поэтому он был просто в школьных брюках и белой рубашке. Слава Богу. Иначе представляю, как он выглядел бы: замшелая скала, не меньше. Я в старшей школе встречалась с Гейбом Мормороу, очень симпатичным квотербеком нашей команды «Белые Орлы», и Гейб, давясь со смеху, как раз рассказывал мне про выпускной и всякие другие приключения Сакехуты, о которых я не знала. Потом минуло жаркое лето. Мы с родителями из Йонки уехали на Мичиган отдыхать, жили там два месяца в домике у озера. Я страшно загорела, накупалась вволю, вернулась в старший класс... Ноэль Симеон тогда по призыву пошел служить во Вьетнам. Это был тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.